

Снѣгъ
и морозы.

Но тутъ пришла новая бѣда. Снѣгъ, падавшій каждый день съ послѣднихъ чиселъ сентября, но въ маломъ количествѣ и обыкновенно тотчасъ растаивавшій на солнцѣ, въ ночь на 3-е октября выпалъ на $\frac{1}{3}$ фута, а на слѣдующій день подбавилъ вдвое болѣе; притомъ морозъ сталъ въ 9°. Наши караванныя животныя почти совсѣмъ не могли отыскать себѣ корма, такъ что голодные верблюды съѣли другъ на другѣ нѣсколько вьючныхъ сѣделъ, набитыхъ соломой¹⁾. Лошадямъ же дано было по двѣ пригоршни ячменя, который необходимо было беречь, какъ драгоцѣнность. Весь аргаль покрыло снѣгомъ, такъ что трудно было его отыскать, да притомъ, отсырѣвши, онъ горѣлъ крайне плохо. Приходилось сидѣть или въ дыму, или въ холодной юртѣ безъ огня; съ великимъ трудомъ сварили чай и мясо для ѣды. Идти впередъ нечего было и думать, въ особенности съ нашимъ проводникомъ, такъ что цѣлыхъ двое сутокъ мы провели на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи лучшей погоды. На третій день немного разъяснило, но лишь только мы двинулись впередъ, какъ снова поднялась мятель — и мы принуждены были остановиться, сдѣлавъ восемь верстъ отъ прежняго своего бивуака. По счастью, новое мѣсто оказалось обильнѣе травою, такъ что мы, по крайней мѣрѣ, перестали сильно тревожиться за участь своихъ караванныхъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе наше становилось весьма серьезнымъ. Выпавшій снѣгъ не таялъ, а ночной морозъ вдругъ хватилъ на 23°. Трудно было надѣяться, что все это скоро кончится; наоборотъ, слѣдовало ожидать еще худшаго въ будущемъ. Тѣмъ болѣе, что ежедневно, мимо нашего стойбища, проходили большія стада звѣрей, въ особенности яковъ, которые направлялись на юго-востокъ въ болѣе низкую и теплую долину Муръ-усу. «Звѣри предчувствуютъ тяжелую зиму и уходятъ отсюда,» говорилъ нашъ проводникъ. «Худо намъ будетъ, погибнемъ мы,» твердилъ онъ, вмѣсто того, чтобы посоветывать что-либо въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, онъ попрежнему постоянно давалъ одинъ совѣтъ — возвратиться въ Цайдамъ, но объ этомъ я не хотѣлъ и слышать. «Что будетъ, то будетъ, а мы пойдемъ далѣе,» говорилъ я своимъ спутникамъ и, къ величайшей ихъ чести, всѣ, какъ одинъ человекъ, рвались впередъ. Съ такими товарищами можно было сдѣлать многое!

Совсѣмъ иное изображалъ изъ себя нашъ монголь-проводникъ. Отъ страха за свою будущую участь и отъ холода онъ сдѣлался чуть жи-

¹⁾ Впослѣдствіи мы замѣнили эту солому волосами дикихъ яковъ.